

Владимир Михайлович Шулятиков

Рассказы Евг. Гославского

Владимир Михайлович Шулятиков

Рассказы Евг. Гославского

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=662375*

Аннотация

«Нет на его палитре ярких ослепляющих красок; он не прибегает к воспроизведению серых и сумрачных полутонов, излюбленных декадентской литературой. Он не старается подействовать на нервы и фантазию малорефлектирующего читателя игрой неопределенных образов и туманной символистикой. «Поэзия настроений» ему совершенно чужда... Напротив, эстетические приемы, которыми он пользуется, носят на себе печать строго «классического» искусства».

Содержание

Владимир Шулятиков

Рассказы Евг. Гославского

Евгений Гославский¹ – своеобразный художник слова.

Нет на его палитре ярких ослепляющих красок; он не прибегает к воспроизведению серых и сумрачных полутонов, излюбленных декадентской литературой. Он не старается подействовать на нервы и фантазию малорефлектирующего читателя игрой неопределенных образов и туманной символистской. «Поэзия настроений» ему совершенно чужда... Напротив, эстетические приемы, которыми он пользуется, носят на себе печать строго «классического» искусства. Он неуклонно следует заветам русского *реализма*, реализма, который составляет величайшую гордость нашей литературы... И, как реалист, он умеет быть оригинальным. Его ре-

¹ Гославский, Евгений Петрович (18(30).04.1861–02(15).12.1917), прозаик, драматург, поэт. Печатался с конца 1880-х, с начала 1900-х сотрудничал с журналом «Русская мысль». Также публиковался в изданиях для детей («Детский отдых», «Детское чтение» и др.), в 1903 году в Москве вышел сборник его рассказов для детей «Вешние грозы». В том же году Гославский стал членом Общества Любителей Русской словесности при Московском Университете. Был одним из участников телешовских «сред», которые посещали М.Горький, И.А. Бунин, Л.Н. Андреев, А.И. Сумбатов-Южин, Т.Л. Щепкина-Куперник. Будучи уже известным драматургом (его пьесы, одна из которых была отмечена премией А.С. Грибоедова, печатались в таких журналах как «Артист» и «Театрал», шли на сцене Малого театра) в конце 1880-х годов познакомился с А.П. Чеховым, который признавал у Гославского «настоящий драматический талант» (Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. М., 1974–82. Т. 5. С.?).

листические описания отличаются силой, изяществом, картинностью, изобразительностью...

Но в *то же время* общее направление, в котором работает его творческая мысль, несколько *сближает его* с «модернистами», с представителями «новой» беллетристической школы.

Если для реалистов-«классиков» главный интерес беллетристических произведений заключается в проведении определенной идеи, в постановке того или другого «принципиального» вопроса, то «новые» беллетристы интересуются, главным образом, разработкой психологических сюжетов. Так именно поступает Евг. Гославский.

Писатель, одушевленный альтруистическими стремлениями, писатель-гуманист, писатель, вступающий за обездоленных, «униженных и оскорбленных», он сосредоточивает свое внимание преимущественно на развитии психологических мотивов. И при этом он любит выбирать в герои своих рассказов людей, представляющих в психологическом отношении большие особенности, людей, психически *односторонне* развитых, людей, выражаясь языком субъективной социологии, с «пораженной индивидуальностью». Если же в некоторых его рассказах героями являются люди, приближающиеся к типу людей «нормальных», они постоянно повествуют о тех моментах их жизни, когда в глубине их душевного мира разыгрываются бури, когда их внутренний мир становится жертвой аморальных, патологических порывов. Об-

ласть патологических явлений особенно часто служит в его рассказах предметом художественных экскурсий².

Прочтите рассказ «Соперница»³. Тема рассказа представляет большой общественный интерес: в рассказе изображается момент столкновения двух сельскохозяйственных культур, говорится о том, как в одном поместье вводится усовершенствованная сельскохозяйственная машина, и как крестьянский мир относится к этому нововведению.

Главная героиня рассказа – немая крестьянская девушка.

Немая девушка, по деревенским понятиям, существо отверженное.

«Природа обидела ее (героиню рассказа), сообщает автор, лишив языка. Люди вследствие этого признали ее уродом, выродком, не имеющим, между прочим, права и на общую женскую долю: на радости и страдания любви... Крестьяне в этом случае очень откровенны и прямолинейны. Всякое

² С этой оценкой спорит другой критик, отмечая, что «холодную отвлеченную правду изображаемого факта» Гославский согревает «теплотой субъективного чувства». Называя его «скромным» писателем, критик подчеркивает, что имеет в виду «сдержанную, благоприличную литературную манеру» автора. Рецензент особо отмечает, что в произведениях Гославского нет «никаких нарочитых эксцентричностей», писатель «никакого ухарства на себя не напускает» и «ничем читателя не озадачивает», что доказывает, таким образом, «действительность дарования г. Гославского» (См.: Русская мысль. 1903. № 3).

³ Все упомянутые в данной статье произведения были опубликованы в 1902 году в сборнике Е.П. Гославского «Путем-дорогою», куда также вошли и другие его рассказы («Свои люди», «Обида», «Помочь», «Бархат», «Милосердие зла», «Польнь», «Невесть зачем», «Голенькая»).

вообще уродство, прежде всего, презирается ими... В тебе такой-то изъян, тем и другим ты более или менее не полный человек. Так и знай же это, и не суйся в ряды нормальных людей».

И Параха (имя девушки), на самом деле, стоит вне «рядов нормальных (в психическом отношении) людей»; постоянные насмешки, которыми ее преследовали односельчане, ожесточили ее до последней степени, развили в ней болезненное самолюбие; потерявши право на «общую женскую долю», она принуждена была подавлять в себе насильно инстинкты женской натуры, «убегать от самой себя, как от женщины»; в этом подавлении женских инстинктов, в «этом убегаении от самой себя... было опять-таки нечто болезненное». Одним словом, ее внутренний мир представлял самую благодарную почву для проявления и развития патологических чувств и настроений... И стоило только Парахе лишиться того, что единственно спасало ее от безграничного отчаяния, что до некоторой степени все-таки позволяло ей считать себя гражданской сельского общества, решиться уверенности в своей «богатырской» силе и сознания своего превосходства, как работницы, перед «доброй половиной» односельчан; стоило ей, другими словами, встретиться с могущественной «соперницей», с машиной-жнейкой и убедиться в ограниченности своей рабочей силы по сравнению с силой машины, в душе Парахи тотчас разыгралась душевная драма, приведшая к полному умоисступлению. Изображе-

ние постепенного роста этой душевной драмы и составляет центр тяжести повествования. Фигура Парахи вытесняет во внимании читателя все остальные фигуры героев рассказа. Вместо общего интереса рассказ приобретает интерес специальный. Эту тему по общественному вопросу превращается в этюд по патологии.

Другой пример пристрастия Евг. Гославского к психопатологическому анализу. Евг. Гославский в двух рассказах обрисовывает быт сельских учителей, их положение среди провинциальной аристократии («Невзначай»), их отношения к учебному начальству («Заяц»). И опять общественная тема демонстрируется оригинальным образом: в качестве героев обоих рассказов выступают опять люди, стоящие вне «рядов нормальных людей».

Учитель Никита Иванович («Невзначай») – человек, как выражается сам автор, «странный».

Сын лакея и крестьянки, продававшей за деньги свою любовь обитателям помещичьего дома, с детства жертва всевозможных унижений, с детства «больной самолюбием», оторванный от своей родной крестьянской среды и не приставший вполне к лагерю интеллигенции, мечтавший о самой плодотворной просветительской миссии и разочаровавшийся в своих надеждах, тяготившийся своим положением, потому что не встречал нигде ничего, кроме, «всяческих поношений», он в глубине своего душевного мира лелеял одну странную *idée fixe*, берег в своем сердце одну «святыню».

«Да-с, святыня была и у меня, – исповедуется он, – одна единственная, и тем дороже она была для меня. Всякие унижения... как бы это сказать?... Ну, всё равно: всякие лишения, нужду, все я переносил покорно. Одного я боялся... нет, *одно я оберегал, хранил, нежил – это неприкосновенность моей личности... Личности в смысле физиономии!..»*

До подобной *idIe fixe* он дошел, «*по необходимости примирясь со всевозможного рода оскорблениями*» и рассуждая следующим образом:

Все эти оскорбления, дескать, неизбежны, и от них никто не уходит, да в сущности; дескать, они даже и не оскорбления, а просто житейские неприятности. Но что же тогда оскорбление, что лишает тебя чести? – возникал сам себя вопрос, – А вот то, дескать, если *тебе морду побьют, как какому-нибудь хаму, вот оно, дескать, истинное оскорбление.*

И подобная *idIe fixe*, подобное представление «о чести» было в жизни героя рассказа Евг. Гославского единственной «звездочкой»; только оно поддерживало в сельском учителе чувство человеческого достоинства. Это доказывает, что душевный мир сельского учителя находился во власти патологических элементов.

И когда Никите Ивановичу пришлось проститься со «звездочкой» своей жизни, когда то, чего он единственно боялся, совершилось, когда один помещик, во время ссоры в трактире, оскорбил его действием, Никита Иванович перенес последнюю душевную катастрофу и затем погрузился в

состояние, граничащее с тихим помешательством.

Герой рассказа «Заяц», учитель Терентий Захарович, не сузил представления о ценности жизни до такой степени, как это сделал герой рассказа «Невзначай»; ненормальность его душевного мира выражается в других формах. Терентий Захарович страдает тем психическим недугом, который у современных французских патологов и психиатров известен под именем «Qatimidite» – болезненной боязливости, робости и застенчивости. Это душевнобольной того типа, который был некогда изображен Достоевским в его юношеской повести «Слабое сердце» и который так часто фигурирует теперь в рассказах Леонида Андреева.⁴

⁴ Заметим кстати следующее; объяснять отчужденность героев Леонида Андреева от жизни, их «страх жизни и смерти» с философской точки зрения, как это сделал Н.К. Михайловский (в статье 1901 г. «Рассказы» Леонида Андреева. Страх смерти и страх жизни» – прим. комментатора А.Н.), очень и очень рискованно (если не сказать больше). Удивительно, что маститый критик, как раз более чем кто-либо, сделавший для объяснения различных литературных типов с патологической точки зрения, в данном случае изменил самому себе. А между тем, какой богатый материал для патологических исследований дают талантливо обрисованные герои рассказов Леонида Андреева! Последний факт очевиден для всякого, кто только знаком с книгами д-ра Поля Гартенберга («Les timides et la timidité» par le d-r Paul), Дюга (Dugas L. «La timidité»). В одном из следующих наших фельетонов мы вернемся к данной теме. – Прим. В.Шулятикова. Гартенберг Поль (1871–949) известный французский психиатр. Его труд «Les timides et la timidité» (1901) посвящен социальным фобиям. Статья французского психиатра, филолога и философа Л.Дюга (1857–193?) «La timidité, étude psychologique et morale» (1898) также была посвящена возникающим в обществе страхам и тревогам, этим автором впервые был введен важнейший в социальных науках термин «деперсонализация».

Весь рассказ посвящен описанию последовательного развития психического недуга: только с патологической точки зрения могут быть объяснены вполне такие сцены, как сцена объяснения с приехавшим в школу ревизором, когда «боязливость» Терентия Захаровича достигает *поразительно колоссальных* размеров, сцену занятия пением, заключительную сцену сумасшествия. Только на патологической почве могла возникнуть такая философия духовной нищеты и убожества, которую герой Евг. Гославского излагает в самом начале рассказа, и которая сводится к идеализации «заячьей» робости. «Дай мне силу львиную, а я и с ней зайцем останусь», – резюмирует Терентий Захарович свою философию. И останется он зайцем потому, что «зайца больше уважает, нежели льва» и не желает ни за что расстаться с «моральным состоянием зайца»...

Опять, имея перед собой подобных «странных» героев, читатель следит больше за их психической драмой, чем за развитием общественной тенденции, вложенной в названные рассказы.

Разработке патологического сюжета посвящен далее очень характерный для таланта Евг. Гославского рассказ «Зверок».

Героиня рассказа Зинаида Степановна выросла под кровлей помещичьего дома, где все было «страшно, темно, мутно и дико», в семье барина-самодура старого закала. От предков она унаследовала гордый, капризный и взбалмошный ха-

ракти. Обстановка вечного страха, в которой она провела детские годы, способствовала ее «отчужденности от жизни», бессистемность полученного ею воспитания, а затем светская среда, в которую она попала, покинув родное гнездо, не могли пробудить в ней никаких серьезных запросов на жизнь, открыть перед ней широких горизонтов. И в заключение из нее вышла болезненно-самолюбивая, «странная как-то, загадочная» девушка, дикаренок, «зверек», существо вполне безвольное, девушка, бессильная справиться с самой собой, мечущаяся из стороны в сторону, не могущая пристать ни к какому определенному берегу, найти определенную цель жизни, живущая исключительно порывами стихийных чувств и настроений, тоскующая по какой-то туманной недосыгаемой дали и старающаяся забыться в романтических побуждениях. Описание ее экзотических походов, носящих, несомненно, патологический характер, составляет главное содержание рассказа. Евг. Гославский удаляется здесь в область *pathologia sexualis*. Опять его произведение представляет интерес, главным образом, как психиатрический этюд.

Наконец, отметим ряд рассказов другой категории.

Герой рассказа «Малиновый звон»⁵, кучер Филипп, стоит в «рядах нормальных людей». Он лишь человек с самым ограниченным умственным кругозором, с сильными примитивными запросами на жизнь. Самое высшее из доступных

⁵ Рассказ посвящен С.С. Голоушеву (надо дать пояснение кто это!!!).

ему желаний – это желание приобрести бубенчики и ездить с ними.

Долго он был лишен возможности осуществить свое желание, так как старуха-помещица, у которой он служит, ничего и слышать не хотела о бубенчиках... Но терпение Филиппа истощилось. Он решается выйти из повиновения, достает бубенчики, надевает их на дугу и *«под наитием внезапно охватившей его бешеной удали, когда, когда жизнь – копейка и человек весь горит желанием быть или паном пли пропасть»*, подкатывает к крыльцу. Помещица в ужасе, но ей необходимо нужно ехать, не теряя времени. Она садится в экипаж... Следует описание того, как Филипп в каком-то стихийном вакхическом восторге, упиваясь *«чарующей, дьявольски сладкой музыкой»* бубенчиков, весь *«замирая, блаженствуя, как никогда в жизни»*, позабывши все на свете, бешено гонит тройку лошадей...

Это центральная сцена рассказа. Весь рассказ является подготовлением к этой сцене, написан для нее. Весь интерес рассказа в развитии стихийного чувства, владеющего его героем и завершающегося патологическим порывом. Опять сюжет *«исключительный»*.

Стихийным чувством, далее, охвачен герои рассказа *«Яблочки»*. Молодой крестьянский парень Савка, после свидания со своей возлюбленной, находится в экзальтированном состоянии. *«Молодость во всей своей силе ударила в его сердце и забила ключом по всем жилам»*. Он предвкушает сла-

дось «всех неизведанных благ жизни», жизнь кажется ему «необъятно широкой и светлой». Он исполнен «беззаветной удали».

И эта беззаветная удаль доходит до бешеного патологического порыва, разрезается сценой совершенно бесцельного убийства.

Даже в таком рассказе, как «Предупреждение», Евг. Гославский не отказывается от своего пристрастия к изображению стихийных и патологических чувств и порывов: тема рассказа одна из наиболее излюбленных беллетристами – пробуждение в молодой женщине, готовой изменить мужу, чувства семейной привязанности. Но Евг. Гославский по-своему обрабатывает эту тему. Пробуждающееся чувство внезапно вторгается в душевный мир героини; оно стихийно и могуче, как ураган, оно быстро доводит героиню до полнейшего исступления.

Точно также Евг. Гославский поступает оригинально, рассказывая о судьбе молодой девушки, стремящейся выбиться к жизни и свету из «темного» купеческого царства («Свои люди»). Героиня рассказа живет порывами; она не идет твердо к намеченной цели, не поступает последовательно согласно намеченному плану. Она неоднократно разрывает с человеком, при содействии и под влиянием которого она старается выйти на новую дорогу. Одно время она даже готова примириться со своей участью, остаться на лоне «темного» царства. Она согласна вверить свою судьбу одному из типичных

представителей этого царства. Но случай решает дело. Она попадает на представление комедии Островского. Комедия производит на нее магическое действие: героиня вдруг преобразуется, переживает сильнейшую душевную бурю и разом кончает счеты с «темным» царством.

Ограничимся вышеприведенными примерами. Все они достаточно характеризуют особенности таланта Евг. Гославского и выясняют общий облик его героев.

Герои Евг. Гославского, одним словом, это герои патологических иррациональных порывов. Центральными сценами его рассказов, повторяем, являются неизменно те сцены, когда герои находятся во власти «беззаветной удали», или «бешеных», налетающих, как ураган, чувств или вакхически-бурных настроений.

И подобные сцены у Евг. Гославского не носят мелодраматического характера, не носят именно потому, что всегда и везде он остается в границах истинного реализма, потому что он, как строгий реалист-психопатолог, подходит к фактам действительной жизни, но искажая их, но прибавляя им несоответствующего значения, не сгущая намеренно красок.

Но выбирает он изо всей богатой сокровищницы жизненных явлений явления исключительные, явления экзотические. Типическое в жизни он обходит. И потому рассказы его, взятые в целом, не могут дать захватывающей картины современной, «широко несущейся мимо жизни».

Но, повторяем, его рассказы отмечены печатью несомнен-

ного таланта, таланта глубоко реалистического.

Курьер. 1902. № 112.